

Дуэль

Стелла, свет звезды небесной,
Стелла, луч во тьме над бездной.

Сэр Филип Сидни,
«Астрофил и Стелла»¹

ОКТАБРЬ 1589,
ЛЕСТЕР-ХАУС, СТРЭНД

Капли воска с шипением падают на бумагу, в воздух поднимается едкий дымок. Пенелопа прикладывает печать, слегка поворачивает, чтобы оттиск получился смазанным. Стоит ли отправлять это письмо? Попади оно не в те руки, его автор окажется на плахе за государственную измену.

— Значит, ты считаешь... — обращается она к Констеблю, стоящему у нее за спиной.

— Считаю, вы слишком рискуете.

— Я должна обеспечить будущее семьи. Королева уже немолода. Если с ней... — Пенелопа настороженно оглядывает комнату; за шторами могут притаиться слуги, готовые продать драгоценные сведения тому, кто больше заплатит. — На жизнь ее величества покушались, и не раз, а наследника она так и не назначила. — Нет нужды объяснять: к короне Елизаветы приковано внимание всей Европы. — Род Деверо нуждается в надежных союзниках.

¹ Перевод В. Леванского.

— А Яков Шотландский — самый вероятный претендент на английский престол.

— Так говорят. — Пенелопа твердо завершает обсуждение. Об этом вопросе многократно говорили с ее братом и матерью, которая разбирается в дипломатии лучше, чем все они, вместе взятые. — Я поступаю так не ради себя, а ради Эссекса. Моему брату нужны могущественные друзья. — Она вручает Констеблю письмо.

Тот легонько проводит пальцем по бумаге, словно по коже возлюбленной.

— Если оно попадет не в те руки...

Речь, разумеется, о Роберте Сесиле, сыне лорда-казначея Берли, крепко держащего бразды правления Англией. У Сесила везде глаза и уши.

Пенелопа загадочно улыбается:

— Это не более чем предложение дружбы, к тому же исходящее от дамы. — Она изящным жестом прикладывает ладонь к груди и округляет глаза, будто желая показать, что слова женщины не имеют никакого веса. — Тайные сношения с правителем другой страны могут повредить Эссексу, однако если переписку веду я... — Она с показным смирением склоняет голову. — Полагаю, подобное послание совершенно безобидно.

— Письмо от дамы? — смеется Констебль. — Ну конечно, никто ничего не заметит.

Остается молить Господа, чтобы так оно и было.

— Ты уверен, что готов выполнить мое поручение?

— Для меня величайшее удовольствие — служить вам, миледи.

У Пенелопы нет причин сомневаться в его словах. Констебль сочинил не менее сотни стихов в ее честь, и не он один. Вокруг Эссекса увиваются поэты и философы; они притягиваются к нему, словно железные опилки к магниту, из кожи вон лезут, дабы заслужить расположение, в частности воспевая хвалы его сестре. Тем не менее, несмотря на бесчисленные рифмованные банальности, превозносящие ее красоту, — глаза словно звезды, локоны, подобные золотому руну, голос, как у соловья, белоснежная мраморная кожа, — мужчина, за которого Пенелопу выдали замуж, не скрывает своего к ней отвращения. Красота хороша для сонетов, однако хрупка, словно яичная скорлупа, и столь же непроницаема; невозможно разглядеть, что под ней скрывается.

— Передай письмо королю лично в руки. — Пенелопа отлично понимает, насколько опасна эта задача. Впрочем, Констеблю не впервой выполнять столь деликатные поручения.

— Но как мне к нему приблизиться? — помедлив, говорит он.

— Ты же поэт; используй свой дар. Моя печать поможет проникнуть в королевские покои, — она кладет ему на ладонь свой перстень. — В конце концов, я — сестра графа Эссекса, фаворита самой королевы, и ее внучатая племянница; разве этого мало? — В голосе невольно прорезаются жесткие нотки. Констебль неуверенно переступает с ноги на ногу. Чтобы его подбодрить, Пенелопа милостиво улыбается. — Храни перстень отдельно от письма. А если король попросит дополнительных доказательств, передай ему вот это, — она достает из позолоченной шкатулки свой миниатюрный портрет.

— Хиллиард¹ неточно передал ваши черты, — задумчиво произносит Констебль. — В жизни вы намного красивее.

— Пустяки, — отмахивается Пенелопа. — Внутренняя красота важнее внешней. Для моей цели сходство с оригиналом вполне удовлетворительное.

Констебль прячет перстень, портрет и письмо за пазуху.

Спаниель Сперо лает и скребется в дверь, порываясь выйти. Слышится лязг открываемых ворот, цокот копыт по булыжникам и тревожные выкрики.

В комнату врывается Жанна, компаньонка Пенелопы.

— Скорее, твой брат ранен. — Из-за французского акцента ее слова не кажутся столь пугающими.

— Как? Когда? — Подобно молоку, оставленному над огнем без присмотра, в душе Пенелопы вскипает паника. Усилим воли она берет себя в руки.

— Меррик говорит, на дуэли. — Лицо у Жанны пепельно-серое от страха.

— Рана тяжелая? — Девушка молча кивает. Пенелопа берет ее под руку и обращается к спускающемуся по лестнице Констеблю: — Отправь слугу за доктором Лопесом.

— Ему нужен не лекарь, а хирург, — возражает тот.

— Я полностью доверяю доктору Лопесу. Он знает, что делать.

Они спускаются в холл. Эссекс уже там; его поддерживают двое мужчин. Впереди — верный Меррик, широко-

¹ Николас Хиллиард (ок. 1547–1619) — английский художник-миниатюрист, прославившийся портретными миниатюрами придворных Елизаветы I и Якова I.

плечий, коренастый: на веснушчатом лице написано беспокойство, глаза возбужденно сверкают из-под бесцветных ресниц. Он приглаживает волосы ладонью; на ней темнеет кровавое пятно.

— Принесите горячей воды! — приказывает Пенелопа глазеющим слугам. Жанна вся дрожит; она не выносит вида крови, поэтому отправляется в прачечную за бинтами.

Эссекса положили на стол; он полусидит-полулежит, опершись на локти и стиснув зубы. Гордость не позволяет ему проявлять слабость.

— Просто царапина. — Он откидывает плащ. На бедре глубокий порез; кровь, обагрившая белые шелковые чулки, стекает в сапог.

— Меррик, дай мне нож, — говорит Пенелопа.

Тот непонимающе смотрит на нее.

— Надо срезать чулок. А ты о чем подумал? — И снова в ее голосе звучат невесть откуда взявшиеся резкие нотки. — Помоги снять с него сапоги. — Она обеими руками берется за каблук, стаскивает сапог и осторожно приподнимает ткань. Кровь уже запеклась и присохла. Эссекс морщится, отворачивается. Пенелопа разрезает чулок от бедра до колена. — Не так плохо, как я опасалась. Рана неглубокая. Выживешь.

Она легонько целует брата в щеку, чувствуя невыразимое облегчение.

Служанка ставит таз с горячей водой, подает чистый кусок муслина.

— Проклятый Блаунт, — злобно цедит Эссекс.

— Кто кого вызвал? — Праздный вопрос: наверняка причиной ссоры стал вспыльчивый характер брата. Пене-

лопа аккуратно промокает рану; из нее по-прежнему струится на удивление яркая кровь, однако бояться нечего — жизни Эссекса ничто не угрожает. Придись удар на дюйм ближе к паху, где вены выходят на поверхность, все сложилось бы совсем иначе.

— Это Блаунт во всем виноват. — Пенелопа видела Чарльза Блаунта при дворе всего пару раз. Он показался ей благоразумным и сдержанным человеком. А еще он хорош собой — достаточно, чтобы составить конкуренцию Эссексу перед королевскими фрейлинами и, что гораздо важнее, перед самой королевой. Ходили слухи, будто бы Блаунт удостоился монаршей милости. Пенелопа знает, каков ее брат: желает быть единственной звездой на небосклоне. — Он первый начал!

— Тебе двадцать три, а не тринадцать, Робин, — мягко говорит она. — Из-за своего буйного нрава ты можешь попасть в беду. — Между братом и сестрой меньше трех лет разницы, но Пенелопа чувствует себя намного старше. Эссекс явно возмущен и расстроен из-за поражения в необдуманном поединке, ведь он считает себя лучшим бойцом в королевстве. Пенелопа так и подмывает напомнить, что ему еще крупно повезло, но она сдерживается. — Ее величество будет недовольна.

— А кто ей скажет?

Нет нужды отвечать. Им обоим известно: во всей Европе спокойно чихнуть нельзя — не успеешь достать носовой платок, как Роберт Сесил уже доложил королеве.

— Тебе нужно пару дней отдохнуть. — Пенелопа окунает ткань в таз; вода тут же розовеет. — И на недельку воздержаться от любовных походов.

Брат с сестрой переглядываются. Эссекс принимается набивать трубку.

Приходит доктор Лопес и после краткого обмена любезностями принимается за работу: присыпает рану белым порошком, чтобы затворить кровь, предлагает Эссексу закусить деревянную палку. Тот отказывается, просит Меррика разжечь трубку. По его словам, лучшее средство отвлечься от боли — пение сестры, поэтому Пенелопа принимается напевать. Лопес заправляет в иглу нить кетгута. Эссекс выпускает через ноздри клубы дыма; с виду он совершенно спокоен, пока игла снует туда-сюда, стягивая края раны.

— Вы способны посрамить королевских вышивальщиц. — Пенелопа с восхищением разглядывает аккуратные стежки.

— Я обучился этому мастерству на поле боя. — Доктор по-отечески приобнимает ее за талию. У него простое честное лицо, короткая стрижка и седеющая борода, а когда он улыбается, вокруг глаз появляются морщинки. — Удостоверьтесь, чтобы ваш брат находился в покое и не нагружал ногу.

— Постараюсь. Вы же знаете, какой он. — Пенелопа медлит. — А...

— Рана дальше не распространится, миледи, — словно прочитав ее мысли, отвечает Лопес.

— Спасибо вам, доктор. — Ей не в первый раз приходится его благодарить. Если бы не он, она могла бы потерять своего первенца.

Потом они собираются у камина послушать новые стихи Констебля.

Краснеют даже розы перед ней,
Губ алых совершенством сражены.

Пенелопа представляет, как он скачет по Великой северной дороге, храня за пазухой письмо. Ее пробирает дрожь – отчасти от страха, отчасти от волнения.

И лилии становятся бледны,
Ведь кожа белых рук ее — нежней.

— Какая корявая фраза, Констебль, — говорит Эссекс. Раненая нога покоится на табурете. — Не разобрать, что к чему.

— Не придирайся, — возражает Пенелопа. — Это же для рифмы. Чудесные стихи, — она подмигивает поэту.

— Очаровательно, — поддакивает Жанна, отрываясь от рукоделия. У нее маленькие, почти детские руки и изящная фигурка. Женщины вышивают цветки мальвы на подоле платья: они двигаются с краев, намереваясь встретиться в середине, однако Пенелопа думает о своем, и ее игла праздно свисает на нитке. Констебль, смущенный замечанием Эссекса, молча стоит посреди комнаты, не решаясь продолжать. Странно, что он столь чувствителен, ведь ему довелось долгое время служить посланником у Уолсингема¹, а шпиону требуется стойкость.

— Мы с радостью послушаем дальше, — подбадривает его Пенелопа.

¹ Сэр Фрэнсис Уолсингем (ок. 1532–1590) – министр Елизаветы I, член Тайного совета, начальник разведки и контрразведки Англии.

Вошедший Меррик вручает Эссексу письмо с королевской печатью. Констебль откашливается, бросает взгляд на графа, но тот сосредоточенно читает послание.

К ней, словно к солнцу, тянут лепестки
Оранжевые бархатцы в саду.

Щеки Эссекса заливаются краской. Он комкает бумагу, с проклятием бросает в огонь.

— Я отлучен от двора. Она считает, пора научить меня хорошим манерам! Что за вздор!

— Несколько недель вдали от двора пойдут вам только на пользу, — говорит Меррик. — Не стоит выставлять рану напоказ, люди будут насмехаться.

«Как ловко он обращается с моим братом, — думает Пенелопа. — Впрочем, ничего удивительного — они же вместе росли».

И лишь фиалки в пурпурном цвету —
Как раненого сердца лоскутки¹.

В комнату заглядывает паж, машет Меррику. Тот выслушивает мальчика, возвращается к графу и шепотом передает послание.

— Блаунт! — восклицает Эссекс. — Какого дьявола он здесь делает?

Пенелопа жестом останавливает Констебля.

— Вероятно, пришел засвидетельствовать почтение и справиться о твоём здоровье. Думаю, он хочет проявить уважение.

¹ Перевод Е. Савиной.

— Уважение? Нет у него никакого уважения.

Меррик кладет тяжелую ладонь Эссексу на плечо:

— Предоставьте Блаунта мне. — На его шее напрягаются тугие мышцы, в глазах под бесцветными ресницами вспыхивает ярость.

— Тебе следует поговорить с ним, Робин, — говорит Пенелопа. Эссекс сбрасывает с плеча руку Меррика, пытается подняться с кресла. — Что ты делаешь? Нельзя тревожить ногу.

— Раз уж мне придется принять этого подлеца, я встречу его как мужчина, а не соломенный тюфяк! — Хромая, он подходит к парадному портрету графа Лестера, словно намереваясь занять сил у прославленного отчима, и принимает торжественную позу. Его пылающий взор внушает тревогу: обычно подобный взгляд предвещает приступ черной меланхолии. В этом весь Эссекс: либо безудержное пламя, либо свинцовая угрюмость, третьего не дано. — Впусти же негодяя.

Меррик удаляется, чтобы привести Блаунта. Пенелопа замечает, что он так и не смыл с руки кровавое пятно.

Едва войдя в комнату, Блаунт опускается на одно колено и снимает шляпу.

— Прошу прощения, что нарушаю ваш покой, милорд. Я хотел выразить свое почтение и вернуть ваш меч.

— Мой меч?

— Он остался на месте поединка.

— И где же он?

— У моего человека, снаружи. Я решил, что не подобает являться к вам при оружии.

— Боялся нарваться на новую ссору? — усмехается Эссекс, но неохотно прибавляет: — Ты правильно поступил, Блаунт.

— Что касается дуэли, милорд, — продолжает тот. — Мой клинок задел вас по чистой случайности. В течение всего боя вы одерживали победу. Эту рану должен был получить я.

Спohватившись, Пенелопа отводит взгляд и вновь берется за иглу.

— Встань, — произносит Эссекс, — не пристало тебе стоять передо мной на коленях.

Пенелопа замечает улыбку, таящуюся в углах его губ. Ее брат обожает изображать скромность.

— Налейте нашему гостю выпить и мне тоже.

Меррик подает им чаши с вином.

— Мир? — произносит Блаунт.

— Мир.

Оба пьют. Эссекс — чуть менее охотно, чем Блаунт, однако того требуют правила вежливости: отказ от предложенного примирения повлечет очередную дуэль.

Пенелопа вновь невольно останавливает взор на Блаунте; у него вьющиеся темные волосы, тонкие черты лица, глубокие черные глаза. А он красивее, чем она ожидала. На нем приталенный атласный дублет изящного кроя, вместо жесткого круглого воротника — кружевной. Блаунт явно подбирал наряд с таким расчетом, чтобы не затмевать Эссекса. Значит, еще и дипломат. Серьга в левом ухе придает ему привлекательно залихватский вид. Пенelope приходит на ум, что этот человек может стать ее брату хорошим союзником. Нужно будет поговорить с Эссексом, убедить его, что врагов надо искать не среди таких, как Блаунт, а среди таких, как Сесил и Рэли, обладающих мощной поддержкой и влиянием на королеву, мечтающих